

КТО из нас в детстве не играл в такую игру: бросишь кубик и продаиваешь фишку на несколько ходов вперед. Один шагок. Два. Шесть. Скорее, скорее к заветной цели! Выигрывает тот, кто придет первым к финишу. Так и начинается спектакль Пермского театра кукол «Красная птица». Все здесь узкопарно и игровое поле, лестряющее пунктирами

в тандем. Этот тонко выданный прием соблюдается на протяжении всего деления «Мухи-цохотухи». Все — как в оперном театре. Смешные, остроумно придуманные жуки, кузнечики, букашки образуют хор, есть и солисты, и, разумеется, балет — грациозные бабочки.

Тут особая похвала дуэлам художника Станинга, справедливая для всех его спектаклей: куклы живут.

* *Гастрольи Пермского театра кукол*

ВДОГОНКУ ЗА ПТИЦЕЙ-МЕЧТОЙ

дорог и кружочками остывших, и фишки — зеленая и красная. Но что это? Фишки так похожи на маленькие человечки! Они пустились в путь, и чем дальше от стартового броска кубик, тем больше они проваливают самостоятельности, тем меньше шестеры, затеявшие игру, властны над ее ходом. Все новые препятствия встают на пути Красного и Зеленого, все ярче проваливаются их такие разные характеры. Зеленый бежит, сломав голову, никого не замечая (а подчас и обижая мимозодом). Красный постоянно отстает, помогая в пути всем, кто в нем нуждается. А ведь ему тоже очень хочется первым добраться до финиша — вершины, где царит Красная птица, птица-мечта, птица-счастье.

Пьеса В. Тихвинского и М. Азова не только названием, но и основной своей мыслью созвучна «Синей птице» Матерлинка: за счастьем можно идти далеко-далеко, а окажется оно рядом, нужно лишь увидеть его, позвать, а главное — стать его достойным.

Идея эта, не сложная в словесном выражении, может оказаться труднодоступной и вовсе непонятной, будучи переложена на язык театрального действия.

В честь постановочного спектакля — главного режиссера театра В. Офритера и главного художника В. Станинга — надо сказать, что они успешно преодолели сухое морализирование и не пошли по пути нагромождения бутфорских эффентов, а повели юных зрителей легко, уверенно, краснор.

В спектакле-пантомиме «Красная птица» персонажи не произносят ни одного слова, но каждое из движений выражает мысль, каждый поступок логически точно работает на раскрытие идеи. Взаимопонимание и взаимоподдержка режиссера и художника радуют на протяжении спектакля и точно выверенными интансценными, и изобретательными панорамами движения, и пластикой кукол. И актеры обитают в спектакле свободно, раскованно и столь убежденно, что (пусть далеко не у каждого классическая фактура мима) убеждают и зрителя: язык жестов, танца, музыки — из родной язык. Особенно обаятелен и пластически совершенен образ Белой птицы, созданный заслуженной артисткой РСФСР Е. Смирновой.

Следует отметить ясную, мелодичную и созвучную по форме музыку А. Журбина, ставшую крепкой действенной основой спектакля. Вообще стремление заставить музыку в спектакле не в качестве фона, а создать с ее помощью определенную эмоциональную атмосферу и даже сделать музыку основным выразительным компонентом постоянно присутствует в творчестве пермских кукольников. Не случайно на сцене этого театра поставлены два оперы для детей — «Мойдодыр» и «Муха-цохотуха», объединенные в одном спектакле. Это зеленая, не столь частая в театрах кукол, призванная привлечь зрителей к делу, когда идет спектакль, в зрительском зале, как говорится, яблоку было негде упасть. Но вот за пультом возникла фигура дирижера. Взрыв восторга — она в настоящей опере! Легкий стук дирижерской палочки — и сразу гул замолкает, музыку надо слушать

Ведь одно дело нарисовать куклу, иное — придумать ее будущее действие, характер движений. Это удается художнику вполне и в «Красной птице», и в «Красноармейских былях», и в «Мухе-цохотухе». Пошел жучок плясать вприсядку — лихо пляшет. А через несколько секунд он должен заернуться золчком. Незаметным для зрителя движением происходит подмена — и такой же жучок пляшет, но уже на новый лад. Используемые дублирующие куклы не ново, но как редко ими нынче пользуются в кукольных постановках.

«Мойдодыр» решен в ином — изобразительном ключе — актеры работают открыто и куклой, и предметами. А сам Мойдодыр — актер в костюме и маске. К сожалению, здесь не удалось сохранить присущей началу спектакля динамичности. Разрушилось очарование «всамделишной» кукольной жизни, повяла оперная статичность. Вообще появление актера в «живом плане» всегда требует от режиссера особого оправдания и особой изобретательности. Если тростевая кукла на ширме работает хорошо (а в театре есть прекрасные кукловоды — Б. Биттенбиндер, Л. Нелотина, В. Морозов, В. Некрасова), следить за действиями персонажа интересно на протяжении всего спектакля. Но чуть появился на сцене живой человек, мы ждем от него проявлений, обогащающих арсенал выразительности.

В спектакле-плакате «Красноармейские былях», в сказке «Люблю ромашки» (режиссер Я. Лебедев) актеры «живут» органично. Но в некоторых спектаклях, в частности вечернего репертуара, их присутствие кажется необязательным, вызывает сомнения. Собственно, они никак не влияют на ход спектакля в «Прекрасной Елене», а в «Чертовой мельнице» являются как бы зеркальным отражением образцовских набожителей «божественной комедии», с той лишь разницей, что в данном случае они больше разочаруют.

Вообще если детские спектакли пермского производства самое благоприятное впечатление, то вечерние вызывают некоторое разочарование. Прежде всего, сам выбор пьес не несет зрителю интересных свежих мыслей «Прекрасная Елена», что ни говори, воспринимается пустынным (не лишним пикантностью) анекдотом на исторические темы, а «Чертова мельница», утратив свойственный ей когда-то интеллектуальный задор, смотрится скучной для взрослых. Не мало ли этого, когда сегодня на сценах кукольных театров ставится хорошая драматургия, когда прочная литературная основа уже завоевала свои позиции, когда идут «Человек из Ланьши», «Желоронок», «Три мушкетера», «Двенадцать», «Двенадцать»!

Хочется верить, что эти рассуждения не будут восприняты талантливым коллективом как повод для гонимости и бенефициара. Они продиктованы одним желанием — чтобы пермские кукольники по-прежнему взрослому зрителю стали же прекрасную птицу-мечту, как та, что радуется встречам с подлинным искусством детского сердца.

Л. ПЕТРОВА,
театровед.